

УДК 330.83(71)
ББК 65.02(7Кан)

КНИГА У.Л.М. КИНГА «ПРОМЫШЛЕННОСТЬ И ЧЕЛОВЕЧНОСТЬ. ИССЛЕДОВАНИЕ О ПРИНЦИПАХ, ЛЕЖАЩИХ В ОСНОВЕ ПРОМЫШЛЕННОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ» – НОВОЕ ПРОЧТЕНИЕ¹

И.А. Соков

Книга «Промышленность и человечество» У.Л.М. Кинга является авторским исследованием по промышленным отношениям в Канаде и США за 15 лет XX века. Эта книга не публиковалась на русском языке. Автор статьи кратко анализирует основные идеи и концепции М. Кинга и дает объяснения видению М. Кингом пути развития либерализма в условиях послевоенной промышленной реконструкции.

Ключевые слова: У.Л.М. Кинг, промышленность, человечество, сообщество, труд, капитал.

Исследование Маккензи Кинга «Промышленность и человечество...» (*Industry and Humanity...*)² было опубликовано в декабре 1918 года. Эта публикация была актуальной, потому что с окончанием Первой мировой войны народам разных стран предстояло решать вопросы не только послевоенного устройства, но и послевоенной промышленной реконструкции.

В целом высказанные суждения о концепции модернизации промышленных отношений были для поколения М. Кинга достаточно радикальными, если не сказать революционными. Общественность ни в Европе, ни в Америке не была готова принять мысль о необходимости партнерских отношений в производстве и распределении прибыли, а государства – о принятии мер социальной поддержки и обеспечения.

Конечно же, М. Кинг не был единственным автором, размышлявшим о необходимости перестройки общественных отношений. Джон Мейнард Кейнс (1883–1946), участвовавший в Парижской мирной конференции как представитель министерства финансов Великобритании, обосновал и предложил свой план пос-

левоенного восстановления европейской экономики, который, как и работа М. Кинга, не был принят, но послужил основой для написания исследования «Экономические последствия мира», основной идеей которого была мысль о том, что для сохранения основных звеньев мировой экономической системы и ее нормального функционирования необходимо было принять ряд мер для восстановления экономики Германии, а не ее экономического притеснения в виде наложения огромных контрибуций. Но доктрина социальных взаимоотношений была разработана Д.М. Кейнсом только через 18 лет, в 1936 г., в книге «Общая теория занятости, процента и денег» (*The General Theory of Employment, Interest and Money*) [3].

Микроэкономическому подходу Д.М. Кейнс противопоставил макроэкономический метод исследования, то есть исследование зависимостей и пропорций между совокупными народнохозяйственными величинами – национальным доходом, сбережениями, инвестициями, рыночным спросом и потреблением, определяющими эффективный спрос. В его теории именно эффективный спрос диктовал уровень использования производственных ресурсов, а следовательно, и уровень национального продукта (дохода). Ус-

тановленные Д.М. Кейнсом функциональные зависимости между этими величинами доказывали, что экономика может в течение длительного времени находиться в состоянии «равновесия с неполной занятостью». Отсюда были сделаны выводы *о необходимости регулирования ключевых экономических параметров* (выделено нами. – И. С.), образующих эффективный спрос, с помощью финансовых инструментов, то есть кредитно-денежной и бюджетной политики правительства. Таким образом, участие правительства в рыночных (по терминологии М. Кинга – промышленных³) отношениях становилось основой новой экономической теории.

И только после окончания Второй мировой войны в мировой экономической практике утвердилось мнение о необходимости вмешательства государства в регулирование рыночных отношений и распределение социальных благ – всего того, о чем писал М. Кинг в книге «Промышленность и человечность» и к чему пришел в результате практики «примирителя»⁴.

Поэтому вполне можно согласиться с утверждением канадского исследователя Брюса Хатчисона (*William Bruce Hutchison, 1901–1992*), сделанным им в 1950 г. после смерти М. Кинга, что он по своим взглядам опередил современников на целое поколение [2, р. 39].

Предложения М. Кинга о необходимой разумности в промышленных отношениях, высказанные им в книге, для большинства современников выглядели утопическими. Получение определенного голоса рабочими по определению собственной работы и условий жизни бросало вызов традиционному представлению о взаимоотношениях в промышленности не только в глазах общественности, но и большинства политических деятелей традиционных партий Канады – Либеральной и Консервативной.

Классический викторианский либерализм дал глубокие корни в Канаде, и надо было иметь смелость, чтобы заявлять о создании системы представительного и ответственного самоуправления в промышленности, указывать новый путь в социальном развитии канадского общества.

Главной в «Промышленности и человечности...» была мысль о том, что в технологическом обществе промышленность, как ей и предписано, должна служить человечеству, и

оно не должно стать рабом технологии. Производство товаров и услуг должно быть востребовано в полной мере, и это является основной внешней социальной функцией любого производства. Внутренней же социальной функцией производства являются сбалансированные производственные отношения между Трудом и Капиталом.

В условиях капиталистической эксплуатации, считал М. Кинг, недостаточно только этих двух сторон промышленности для создания сбалансированных отношений. Поэтому в его концепции появляется третья и четвертая сторона взаимоотношений. Создание профессиональных союзов пришло от конфронтационного понимания отношений между Трудом и Капиталом, как обязательный элемент защиты Труда, в рамках нарушения производственного процесса, через забастовки, локауты и даже насильственные действия с обеих сторон. Потери несли как одни, так и другие, но использовать какие-либо другие неконфронтационные формы не могли ни Труд, ни Капитал. Необходим был посредник, и таким посредником могло стать только Сообщество.

Недопонимание необходимости сотрудничества шло от оценки рабочего как товара, который покупался на трудовом рынке и должен был полностью использоваться в производстве для получения максимальной прибыли, а соответственно для создания все новых товаров и услуг. В стороне оставалась социальная потребность в производстве такого количества товаров и услуг. Вся эта схема могла работать до наступления двух ограничителей – социального взрыва со стороны рабочих, эксплуатируемых чрезмерным трудом, либо перепроизводства товаров и услуг, в результате которого предприниматель отказывался от использования рабочей силы вплоть до остановки производства.

Прежде чем приступить к анализу книги, необходимо отметить, что на социальную философию М. Кинга в большей степени повлияла социологическая школа Чикагского университета, которая являлась лидером этих исследований в США в начале XX в., а также социальная антропология Британской социологической школы.

Что касается самого названия работы М. Кинга, то можно встретить такой перевод,

как «Промышленность и человечество», не совсем отвечающий смыслу, вложенному автором в эту работу. Дефиниция «Industry» – это общее родовое понятие промышленности и производства. В него входят «Production» и «Manufacture». Более общим родовым понятием, которое бы соответствовало слову «Industry», является слово «Humankind» или «Mankind» – человечество как род. Дефиниция «Humanity» хотя и обозначает человечество, но в ином смысле, как человечность, гуманизм, человеколюбие, то есть слово имеет окраску качества. Поэтому уже в самом названии М. Кинг, любивший точность изложения мысли, использовал слово «Humanity» в смысле человечности и гуманизма. Поэтому более точным переводом надо признать «Промышленность и человечность». За такой перевод говорит и тот исторический факт, что термин «человечность» стали использовать в официальных документах Лиги Наций, после того как М. Кинг ввел его в оборот на заседании Ассамблеи в 1928 г. в контексте выражения «преступления против человечности» (*Crimes against humanity*). В этом значении выражение использовалось и на Нюрнбергском процессе, пока в оборот не вошло новое слово геноцид.

Есть и подтверждение такой интерпретации наименования книги, подсказанной самим М. Кингом в предисловии. Он дважды употребляет слово HU-MANITY через дефис, как бы подчеркивая приставкой HU- защиту людей (сферой, корпусом, оболочкой и т. д.) от промышленности в ее самых грубых проявлениях – непосильном труде, получении травм и гибели: «Некоторая концепция лежит в основе слов “INDUSTRY AND HU-MANITY” – это необходимо, чтобы предоставить истинную перспективу индустриальной проблемы в целом» [6, р. 7–8].

Книга состоит из 556 страниц, включает введение, двенадцать глав и алфавитный указатель.

Первая глава «Промышленное и международное волнение» содержит анализ идей, которые во многом опережали представления американских социологов даже лидирующей Чикагской школы. В начале XX в. эта школа работала над проблемами «девиантного и маргинального поведения, изучаемыми на при-

мере работы тюрем графств, суда для несовершеннолетних, выполнения закона о бедности. Объектом исследования являлись пенитенциарная система, жизнь в отелях, бродяги, городские районы порока, банды, самоубийства, психические заболевания, «сухой закон», религиозные секты» [1, с. 255], отношения индивидуумов внутри этих небольших групп. Представители Чикагской школы исследовали возможности влияния местной власти на существование и развитие межгруппового и внутригруппового общения. М. Кинг перешагнул через теоретические изыскания своих бывших учителей, считая промышленные волнения в США как некоторое цельное социальное явление, требующее регулирования со стороны общества и государства. С другой стороны, понимаемый Чикагской школой либерализм, как идеологическая ориентация, основанная на вере в значение свободы и благосостояния индивида, а также на вере в возможность социального прогресса и улучшения качества жизни с помощью изменений и инноваций в социальной организации общества, М. Кинг противопоставил свое понимание либерализма как отношение государства к капиталистическому производству: «Эти две проблемы неотделимы: проблема государства и проблемы Промышленности! Они – слишком различные аспекты одной мировой проблемы, сущность которой – правильное соотношение между Промышленностью и Человечеством» [5, р. 9].

Такой подход социологическим сообществом ученых воспринимался дилетантским, научно не изученным и потому необоснованным. Хотя справедливости ради следует сказать, что подход М. Кинга подтвердила сама история. В 1934 г., то есть через 16 лет после выхода в свет его книги, в Чикагской школе социологии наступил так называемый «кризис концепции локализма» – главного направления развития американской социологии.

Во-вторых, М. Кингом было сделано совершенно новое утверждение, что конфликтные отношения в промышленности по своей природе сродни мировой империалистической войне. И здесь и там, не задумываясь о жертвах, истинной целью является получение максимальной прибыли: «В происхождении, в методе процедуры и в последствиях промышленная и международная борьба является

похожей. Различия в том, где они появляются, скорее всего в степени, а не в происхождении. Даже язык и изобретения их дипломатов являются похожими!» [2, р. 22–23].

В-третьих, новым было и то, что М. Кинг утверждал, что США стоят на пороге «промышленной войны», которая по масштабам может быть сравнима с европейской империалистической войной. «Потери могут быть и больше, чем в войне между нациями, начиная с военных средств прямой потери жизни, так же как и собственности; но в каждом случае тем, что существенно нацелено на это, является *потеря власти*, явилось ли это позитивным последствием через активное разрушение или через отрицательный срыв производства» [5, р. 25].

В-четвертых, масштабы «промышленной войны» являются не только национальной, но и международной проблемой. Более того, М. Кинг ставил проблему еще шире – промышленный капитализм, как чудовище Франкенштейна, готово было уничтожить своего создателя – человечество [ibid., р. 3]. Поэтому гуманистический социологический подход М. Кинга, как сейчас принято говорить, к проблеме безопасности человека был, по меньшей мере, предупреждением о возможных грядущих последствиях наступившей технологической эры⁵.

Во **второй главе**, названной «Мировой аспект», М. Кинг утверждает три проблемы, которые требуют своего исследования. Первая проблема заключается в том, что «расширение промышленности приняло космополитическую тенденцию, чтобы рассматривать проблему Рабочей силы и Капитала в истинной перспективе» [ibid., р. 29], а перемещение Рабочей силы и Капитала приняло международные масштабы. Вторая проблема, по мнению М. Кинга, заключалась в том, что это наднациональное расширение в свою очередь вызвало еще большее отчуждение рабочей силы от производства.

Рассматривая в первой части главы эволюцию промышленности от домохозяйств до фабричного производства и последующее наступление промышленной революции, М. Кинг отмечает, что рабочий постепенно терял, а капиталист соответственно приобретал сначала материал на изготовление, затем станки

и инструменты, потом помещение для производства. В конце концов у рабочего остались только «навык и энергия» [5, р. 54], последнее, что он мог использовать, только продавая их.

С этим совместные цели в производстве предпринимателя и рабочего закончились, более того, их отношения стали принимать антагонистическую форму: «Семья, город, и нация, как основной тип социальной структуры, в какой-то момент стали единицей промышленной организации», причем национальные структуры не стали заключительной формой в экономическом развитии, а «стали постепенно заменяться космополитическим типом» [ibid., р. 335].

Глобальное расширение промышленности при отсутствии глобального регулирования, притока дешевой миграционной рабочей силы, в условиях научно-технической революции фактически обесценили рабочий труд. Его стоимость стала неизмеримо ниже, чем стоимость производственных зданий, машин, механизмов и инструментов. Это создало ситуацию беспредельной эксплуатации рабочей силы. Другим важнейшим фактором усиления эксплуатации стал процесс консолидации и монополизации в промышленности. Как ответная реакция на промышленные процессы, происходит объединение рабочих в профессиональные союзы, основной задачей которых было создание фронта сопротивления против имеющегося угнетения.

Таким образом, сама обстановка в глобальном промышленном мире могла привести к «промышленной войне». Из этого предположения М. Кинг выдвигает третью проблему, которая заключается не только в признании необходимости исследования промышленности в мировом измерении, но и упреждении «промышленной войны» путем «продвижения духа сотрудничества и конструктивной доброжелательности, в котором должны быть преодолены отчуждения и антагонизмы» [ibid., р. 58].

В целом же во второй главе автор дает свое, новое понимание либерализма в условиях отчуждения рабочей силы от средств производства. В этих условиях, по мнению М. Кинга, принцип классического либерализма в части возможности самореализации индивидуума не работает, поэтому требуются внешние силы, чтобы установить консенсусные отноше-

ния в промышленности. Эти отношения не только «игнорируют индивидуальность, но и «дегуманизируют» их до степени, до которой они делают часть Рабочей силы в Промышленности механической, и имеют тенденцию разрушать инициативу и ресурс» [5, p. 43].

Таким образом, во второй главе М. Кинг обратил внимание своих оппонентов на то, что:

- кардинально устойчивые промышленные отношения невозможны на местном и национальном уровнях в силу «космополитичности», а в современной редакции – в условиях транснационального расширения промышленности;
- регулирование промышленных и, как следствие, торговых отношений должно проводиться на международном уровне. Тем самым М. Кинг предсказал создание регулирующих международных организаций: МОТ, ГАТТ и др.;
- потребность в регулировании ощущают обе стороны промышленных отношений. Рабочая сила, отчуждаемая в сфере производства, все же является основной в сфере потребления, а сужение сектора потребительских услуг само по себе ведет к тупиковому развитию промышленности, ее депрессии и застою. А учитывая, что «взаимозависимость промышленности между континентами была очевидна еще полвека назад...эта взаимозависимость усилилась с тех пор. Паника в Нью-Йорке или Лондоне создает депрессию во всем мире» [ibid., p. 56]. (Заметим, что это написано за 21 год до начала Великой депрессии.)

В третьей главе, названной «Социальный аспект», автор анализирует социальные последствия отчуждения рабочего от производства товаров и услуг, главными из которых он видит:

- вытеснение ручного труда машинным и, как следствие, появление большого количества людей с невостребованной квалификацией, которым необходимо переучиваться;
- признание рабочих безличностным и бездуховным товаром и, как следствие, невосприятие индивидуальных качеств, материальных и духовных потребностей каждого работника;

- усиление конкуренции на рынке труда рабочей силы не столько по качественным показателям, сколько по стоимостным;
- вытеснение с рынка труда более дорогой рабочей силы более дешевой (*закон Грешама*⁶ применительно к чеканным деньгам и их обмену, который по отношению к рынку труда М. Кинг предложил назвать *Законом конкурирующих стандартов*). «Я не вижу никакой причины, почему экономисты не должны признать существование такого закона, и включить его немедленно в экономическую науку, как являющийся весьма столь же существенным, как *Закон спроса и предложения*, *Закон убывающего плодородия* или любой другой закон, предоставляя место в его спецификации» [5, p. 66].

Таким образом, М. Кинг считает, что ценность человека, как социального существа, неизмеримо принижается, его стремление направлено не к духовному совершенствованию, а к материальному увеличению собственной стоимости.

Он также делает и другой очень важный вывод, что промышленные отношения, по сути, отменяют духовный поиск человека, который «должен быть освещен некоторой верой в высокое предназначение» (*must be illumined by some belief in a lofty destiny*) [ibid., p. 84].

Когда борьба человека с самим собой обостряется, человек перестает чувствовать удовлетворение от выполняемой им работы. В условиях постоянного роста конфликтности в промышленных отношениях М. Кинг задается вопросом: кто для кого существует, промышленность для человечества или, наоборот, человечество ради промышленности? И делает один очень простой вывод, что сама природа созданных промышленных отношений не отвечает благу человечества, эта природа отношений антигуманна.

Ссылки на то, что политическая экономика, которая рассматривает законы и принципы создания материальных благ, управления производством и промышленные отношения, не должна предусматривать рассмотрение человеческих ценностей, а потому, по мнению М. Кинга, несостоятельна. Односторонний и однобокий подход политической эконо-

мики вполне понятен, потому что «политическая экономика не искусство, имеющее своей целью усовершенствование общества или партии людей, из которых общество составлено» [5, p. 87]. В то же время М. Кинг считал, что «в комбинации с другими науками она может внести вклад к этому рассмотрению (совершенствованию промышленных отношений. – И. С.)» [ibid., p. 84].

По мнению М. Кинга, в промышленных отношениях уже изначально заложен практический и философский смысл благосостояния человечества, так как рост богатства сам по себе не только аморален, но и бессмыслен без роста благосостояния всего сообщества.

Достаточно много места М. Кингом уделено рассказу о его прошлой практике по решению трудовых конфликтов и объяснению с точки зрения Закона конкурирующих стандартов его деятельности по вопросам восточной иммиграции.

Не останавливаясь на этом, хотя и очень интересном периоде его жизни, необходимо отметить одну существенную деталь, которая объясняет, почему, по мнению М. Кинга, подушный налог в Канаде брался только с китайских иммигрантов, а с остальных иммигрантов из Азии он не брался? Он не приемлет объяснение этого феномена «желтой опасностью» и наводнением Канады китайцами. Просто из всех азиатов, по мнению автора, китайцы были самой дешевой рабочей силой и к тому же они были нетребовательны к бытовым и производственным условиям, могли работать без перерыва на отдых большее время, чем другие. В этом случае действовал Закон конкурирующих стандартов М. Кинга.

В четвертой главе «Разрушение или прогресс» М. Кинг задается вопросами: куда же ведет промышленность человечество? Насколько промышленные изменения связаны с прогрессом? И вообще, не движется ли человечество к своему разрушению? Как влияют открытия и изобретения на прогресс и благосостояние общества? Насколько оно от этого становится духовно богаче?

По мнению М. Кинга, открытия не несут в себе социального давления, так как они «продукты просвещения», изобретения же «угрожают или рванят кого-то» [ibid., p. 95].

Однако прогресс в промышленности, по иному названный промышленной революцией, способствовал социальному прогрессу, изменяя само общество: изменилось сельское хозяйство, произошел бурный рост городов, расширились границы торговли, страны и нации стали более открыты внешнему миру. Но наряду с прогрессом все больше стало появляться разрушений, которые несли промышленность.

Возможно здесь, делает вывод автор, был упущен контроль общества за промышленностью, а пресловутый либеральный принцип невмешательства государства в экономику (*laissez-faire*)⁷, выдвинутый английскими политэкономистами, только способствовал деформации отношений между предпринимателями и рабочими.

В этой же главе М. Кинг обращает внимание читателя на то, что кроме проблемы отношений в сфере производства возникла проблема распределения созданного богатства. Прогресс в промышленности, использование машинного производства позволили получать огромную массу товаров с более высокими качественными критериями, которую было просто невозможно получать в условиях использования ручного труда. Но получаемое богатство практически все инвестировалось в производство, не оставляя или почти ничего не оставляя для разумного и необходимого потребления. Тем самым человечество все более и более оказывалось в тисках промышленности и капитала, главным для которых была только новая прибыль. Новая философия взяла на вооружение выражения типа «бизнес есть бизнес», «выживает сильнейший», «борьба за существование», «естественный отбор». Социальный дарвинизм стал основой промышленных отношений. М. Кинг не приемлет такую философию. «Корень всемирного существующего бедствия был найден в существенно неправильной философии» [5, p. 114]. Он не уточняет, но надо думать, что автор имеет в виду философию либерализма. И далее осторожный М. Кинг, не призывая к пересмотру классической теории либерализма, пишет: «Вполне может быть, что мы должны будем смотреть более глубоко; мы фактически должны будем отклонить теории, на которые мы перешли» [ibid., p. 117].

Казалось бы, дальше М. Кингу логично было предложить свою концепцию, но он рассуждает о неприменимости биологических законов в социальной жизни общества: «Закон естественного отбора – биологический закон, заинтересованный исключительно отношениями между организмами и их окружающими средами. Это не правило поведения, не моральный закон» [5, p. 118].

Второй довод М. Кинга о том, что даже биологический закон говорит о борьбе не внутри вида, а о межвидовой борьбе и борьбе с силами природы, а так как «человечество в целом – единый социальный организм, и ... к этой окружающей среде человек все более приспособливает себя не через конфликт со своим собратом, а через объединенное усилие со стороны коллективных групп против сил природы, которые мешают человеческому прогрессу» [ibid., p. 119].

Но если есть «борьба и разрушение», как это наблюдается в промышленности, то, по мнению М. Кинга, «вместо интеллектуального сотрудничества между человеческими элементами, из которых составлено общество, человеческий род, как организм, ослабляет себя и в его борьбе против окружающей среды страдает пропорционально» [ibid., p. 119–120]. И далее автор делает вывод: «Организм в конфликте с собой не способен выжить» [ibid., p. 120].

Поэтому, по мысли М. Кинга, Закон естественного отбора (*Law of the Survival of the Fittest*) должен быть заменен более высоким Законом Христианского Служения (*Law of Christian Service*), который подразумевает сотрудничество и «фундаментальное различие между человеком и животным или жизнью растений». И в этом случае «Промышленность может быть источником силы и жизнестойкости людей, которым она служит» [ibid., p. 126].

В пятой главе «Стороны промышленности»⁸ М. Кинг анализирует причины, по которым эти стороны были разведены по разным баррикадам, вместо того чтобы искать сотрудничества. Такими причинами он называет:

- широкое разделение труда на труд физический и труд умственный. Труд физический непосредственно производил продукцию, а труд умственный в основном перешел в область управления;

- изменение функции богатства. Богатством стали не продукты производства или деньги, полученные за них, а «производство ради дальнейшего производства» [5, p. 130];

- изменение формы капитала. Из содержания капитала при машинном производстве была выведена рабочая сила;

- рабочая сила окончательно потеряла функцию управления, присущую ей при ручном труде;

- появилась новая форма труда – направляющий интеллект (*Directing intelligence*), названный менеджментом, который еще больше развел стороны промышленности. Кроме того, Управление (*Management*) стало «отдельным и отличным фактором в производстве» [ibid., p. 132];

При характеристике сторон промышленности М. Кинг выделяет еще и четвертую ее сторону – Сообщество. «Есть сторона промышленности, которую экономисты имеют привычку пропускать, сторона, которая дает возможность реализоваться другим (сторонам промышленности. – И. С.) и без чьей подразумеваемой санкции и сотрудничества другие стороны не смогли бы ничего произвести. Эта сторона – Сообщество, и интересы Сообщества должны быть также взяты во внимание, если отношения между предпринимателями и рабочими должны рассматриваться в их полноте» [ibid., p. 134].

Следует уточнить, что в английском варианте М. Кинг сознательно отошел от использования термина *Public*, заменив его термином *the Community* с пояснением: «подчеркивая область, в пределах которой люди разделяют общий интерес относительно предмета рассмотрения» [ibid.].

Сообщество – это «тихий партнер» (*silent partner*), который, по мнению М. Кинга, вносит свой вклад не только в каждую из сторон промышленности, но и обеспечивает эффективность производства, начиная от предоставления природных ресурсов и заканчивая торговыми условиями по реализации товаров и услуг.

Кроме того, «Сообщество, организованное различными способами, содержит правительство и поддерживает зарубежные связи, обеспечивает общественный порядок, способ-

ствуется искусствам и изобретениям, помогает образованию ... транспорту, коммуникациям, кредитам, банковскому делу и т. п., без которых любое производство, даже самое примитивное, было бы невозможно» [5, p. 135].

По мысли М. Кинга, следует рассматривать и пятую сторону промышленности – *Землю*, которая должна быть выделена из капитала и определяться отдельно как национальное достояние. Здесь следует сказать, что это замечание М. Кинга настолько опередило время и настолько существенно, что является предметом многочисленных исследований в наши дни.

Далее М. Кинг пытается дать характеристику отношениям сторон промышленности с позиций политической экономики, но не доводит этот анализ до конца, ссылаясь на то, что его исследование видит другую задачу: «изложить несколько фундаментальных принципов, которые лежат в основании взаимоотношений сторон промышленности и благосостояния общества» [ibid., p. 138].

М. Кинг обращает внимание читателя на то, что объективно функции регулирования промышленных отношений должны принадлежать сообществу в лице нанятого им правительства, потому что оно заинтересовано поддерживать одновременно и капитал, и рабочую силу в целях стимулирования производства. Кроме того, М. Кинг, как канадец, не мог не указать и другие факторы, больше присущие Канаде, которые более эффективно должно учитывать правительство для развития производства: географическое расположение предприятий и поселений, соотношение городского и сельского населения, климатические условия, вопросы иммиграции и коммуникации. В целом с прогрессом в промышленности растет социальная нагрузка на предприятия по поддержанию не только минимального прожиточного минимума в сообществе, но и регионального социокультурного развития.

Отношения четырех сторон в промышленности невозможно, по мнению М. Кинга, описать функционально, так как это будет неполным: «Координация функций, что касается этих нескольких факторов, – небольшая проблема по сравнению с *бесконечными регуляторами* (выделено нами. – И. С.) в отношениях людей, от удовлетворенности которых

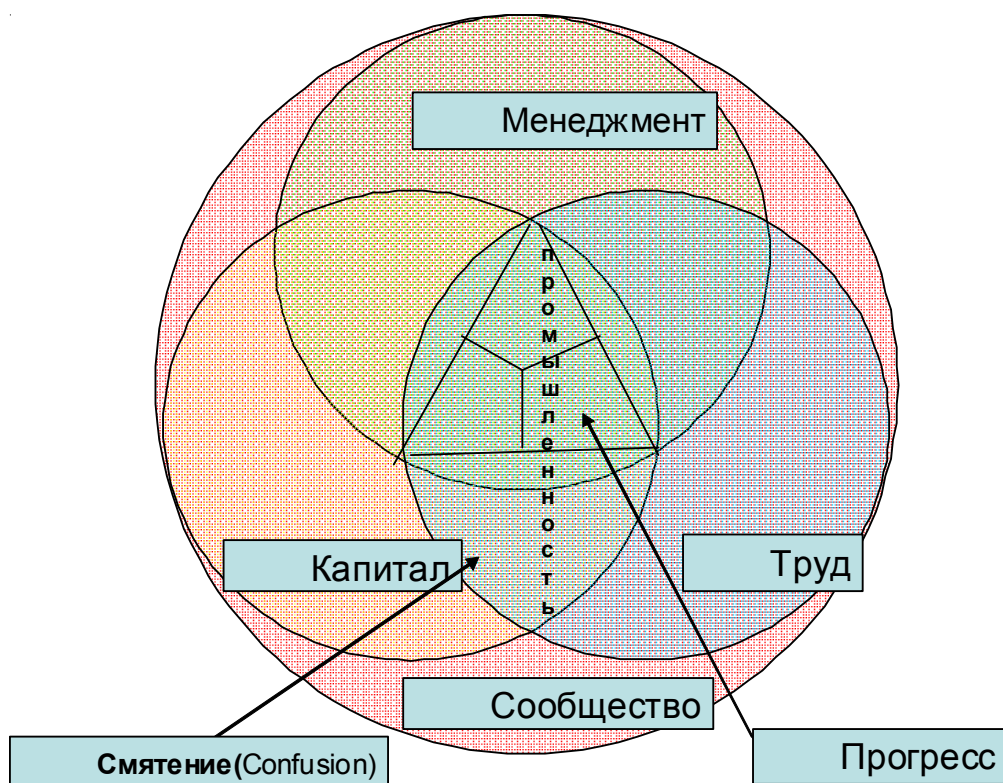
обязательно зависит все сотрудничество» [5, p. 145]. А это возможно лишь тогда, когда у всех сторон промышленности «есть вера в общую цель и общую справедливость» [ibid.].

Равновесные отношения в промышленности М. Кинг смог выразить графически в 9 схемах, основу которых содержит схема 2, которая приводится в настоящей статье (см. рисунок).

Главным, можно сказать, даже революционным в схеме М. Кинга является наглядное изображение объединяющей и регулирующей роли Сообщества, которое не дает выходить за определенные рамки Капиталу, Менеджменту и Рабочей силе и определяет основную цель промышленных отношений как благосостояние всего сообщества.

Интересным является замечание М. Кинга о том, что в промышленности все равно должны присутствовать состязательность, конкуренция и определенная конфликтность, которые он в целом назвал смятением (*confusion*). Это смятение и определяет возможность прогресса в промышленности, являясь ее движущей силой. «Все должны сотрудничать; функции всех должны быть должным образом скоординированы. Иначе они становятся отрицательными или выступающими против факторами. Одним словом, поскольку отношения между Рабочей силой, Капиталом, Управлением, и Сообществом должным образом не скоординированы, производство неравнозначно отвечает интересам всех сторон промышленности, создает напряжения в их отношениях, ведущих к разрушению, а не прогрессу» [ibid.].

Создание гармонии сотрудничества невозможно достичь только внедрением научной формы организации труда (по Тейлору. – И. С.), необходимы «конструктивная доброжелательность», стремление к объединению усилий для достижения цели и взаимная вера в достижение нового порядка: «Как только такой дух будет передан сторонам Промышленности, как только это будет признано всеми, что это предвещает индивидуальную выгоду и коммунальное обслуживание, сама Промышленность выиграет новое положение и обретет новую жизнеспособность, и процветание будет следовать вслед за промышленным предприятием» [ibid., p. 148].

Взаимодействие Сообщества, Труда, Капитала и Менеджмента в промышленных отношениях

В шестой главе «Основание для реконструкции» М. Кинг определяет базу, на которой должны строиться (или реконструироваться) международные и промышленные отношения. Такой базой, по мнению автора, может стать полная гармония и порядок, которые существуют во вселенной, которые выражаются в универсальности законов природы и человеческого общества. Но «если такой порядок существует в Природе, то... действительно рационально предположить, что он лежит в основе социальных отношений людей и наций» [5, p. 152].

Если это так, М. Кинг спрашивает: «В хаосе, который окутывает человеческие отношения во всем мире сегодня, разве не наступило время для поиска такого порядка?» И тут же сам дает ответ: «Все, что является необходимым – это удалить человеческую слепоту (*human blindness*), которая так долго делала нас незнакомцами друг к другу и в то же время врагами также» [ibid.].

М. Кинг считает, что таким универсальным законом, учитывающим международные

и промышленные отношения, мог бы стать Закон мира, работы и здоровья (*The Law of Peace, Work and Health*), открытый и изложенный Луи Пастером (*Louis Pasteur, 1822–1895*). М. Кинг пишет: «Он указывает путь к сотрудничеству между сторонами промышленности, и в координации человеческих усилий, в масштабе, как устойчивый закон и универсально применимый. Этот закон применим как к промышленности в целом, так и к мельчайшим отношениям, возникающим в ее индивидуальных процессах. Кроме того, он столь же применим и к международным отношениям» [5, p. 154].

Далее он обосновывает необходимость использования этого закона не только в исследовании социальных отношений, но и в практике отношений между сторонами промышленности, несмотря на его «абстрактность» и некоторое значение предписания или наставления (*precept*).

Использование закона Л. Пастера, по мысли М. Кинга, способствовало бы тому, что ученые могли бы «развернуть теории и прин-

ципы, которые, фактически прикладные, привели бы к окончательному триумфу порядка, способного предоставить человечеству устойчивое обслуживание» [5, p. 157].

В последующих **трех главах** М. Кинг разбирает «Принципы, лежащие в основе мира», здоровья и работы соответственно. Принципы мира, как считает автор, исходят из древней заповеди «делать справедливо и любить милосердно» (*To do justly and to love mercy*). На этой же заповеди основаны принципы работы и здоровья. Справедливость и милосердие «имеют значение божественного порядка, который поддерживает человечество» [ibid., p. 167].

Для М. Кинга важно, что «Справедливость и Милосердие подразумевают проницательность между материальными и духовными человеческими ценностями и признание индивидуальности. Они свидетельствуют о духовности рассмотрения и конструктивной доброжелательности, они обладают и возможностью передать жизнеспособность правилам поведения и методам организации, созданным в целях их выражения» [ibid.].

По мнению М. Кинга, «искусство установления отношений, вера между расширяющимися группами в промышленности являются родственными самым высоким из искусств – государственной деятельности» [ibid., p. 169]. Устанавливать доброжелательные отношения в процессе постоянного роста отчуждения, вызванного прогрессом промышленности, далеко не просто. Для этого необходимо капиталу и менеджменту придерживаться некоторых правил:

- не использовать «закулисные и вводящие в заблуждение методы. Они – несправедливость и обман, которые лежат в корне политических и социальных интересов»;
- устранить «нежелание (*unwillingness*) иметь дело с организациями» трудовых союзов;
- своевременно отстранять от производства «диспетчеров и мелких чиновников», которые «через власть и авторитет стараются скрыть собственные недостатки, являясь реальной причиной скрытых беспорядков» [ibid., p. 173–174];
- поддержать «веру в целостность и объективность (*impartiality*); люди пропустят

ошибки разбирательства там, где они не допустят двуличность. Человеческая природа вполне готова простить ошибки, но она никогда не простит преднамеренную несправедливость» [5, p. 174];

- «иметь ответственность перед рабочими, которые дают свою рабочую силу, видеть, что они получают справедливую заработную плату, и ответственность перед инвесторами, которые дают займы капитал, видеть, что их прибыль никоим образом не плод несправедливости» [ibid., p. 175];

- создать необходимые производственные условия. «...существует длительная национальная, международная и даже всесторонняя ответственность за рабочие условия» [ibid., p. 176];

- осуществлять личное знакомство членом совета директоров и инвесторов с рабочими промышленных предприятий, выяснять нужды и нерешенные чиновниками вопросы. «Личные контакты, помимо предоставления директорам и исполнительным управленцам более широкого знания рабочей силы, ее потребностей и условий, дают рабочей силе чувствовать, что их оценивают с интересом... Личное знакомство с условиями и рабочими со стороны директоров, так же как части чиновников и акционеров, является существенной гарантией против проявления несправедливости и роста недовольства, способствующего борьбе» [ibid., p. 180].

М. Кинг рассуждает об интересах, лежащих вне рассмотрения промышленных отношений. Это «мир и процветание промышленных сообществ, здоровья и жизнеспособности рабочих и духа удовлетворенности, которым наполнены люди. Действия корпораций – важная часть социальной жизни страны и промышленной жизни; и директора не могут больше лишать себя ответственности за сотрудничество в обслуживании социальных стандартов, как государство не может быть освобождено от своих обязательств охранять интересы общества в целом от эгоизма специальных интересов» [ibid., p. 181].

Переходя на международные отношения, М. Кинг отмечает, что «война, с ее использованием самолетов, субмарин, танков, пулеметов»

тов и жидких взрывчатых веществ, показала, как небольшой международный конфликт сегодня напоминает войну столетие назад, даже в методах борьбы. Изменения в методах военного режима – всего лишь отражение изменений, которым промышленность подвергла саму себя» [5, p. 184].

В этой же главе М. Кинг делает важное замечание о том, что с ростом и расширением промышленности возникает жизненная необходимость иметь постоянного представителя администрации. «Одаренный с индивидуальностью, представитель управления может сделать очень многое, чтобы передать силам рабочих правильную оценку отношения к корпорации; обуздать произвольное и недобдуманное действие со стороны зависимых чиновников; замечать обиды в начинающихся стадиях и гасить ресурсы раздражений; и так восстанавливать некоторые из преимуществ близких отношений между предпринимателем и работающими, которые были потеряны в условиях крупномасштабной промышленности» [ibid., p. 188].

Это замечание М. Кинга стало предвестником создания отделов по работе с персоналом сначала в крупных компаниях, а затем практически на всех предприятиях промышленности и сферы услуг.

Второе предложение М. Кинга касается четкого установления прав предпринимателя и работающего в письменной форме – положении (*statement*). «Я не знаю ни о каком устройстве, лучше вычисленном для сохранения закона и порядка в промышленности, чем простое положение в напечатанной форме прав предпринимателя и работающего соответственно по всем делам, которые являются предметами противоречия. Его простейшая форма может включать в содержание более чем принципы и политику для управления отношениями между рабочими и предпринимателями» [ibid., p. 189].

Как мы теперь знаем, коллективные договоры на предприятиях стали повсеместным явлением в трудовых отношениях.

Кроме того, М. Кинг обращает внимание законодателей на принятие такого трудового законодательства, которое стало бы универсальным, как Великая хартия вольностей 1215 года (*Magna Carta Libertatum*) [ibid., p. 190–191], которая была почти забыта в XV

и XVI вв., однако в дальнейшем сыграла значительную роль в Английской революции, будучи использованной парламентской оппозицией для обоснования права контролировать действия королевской власти и левеллерами для пропаганды общедемократических требований.

М. Кинг считал, что отсутствие такого законодательства «должно неизбежно вызывать несправедливость и рано или поздно привести к открытым разногласиям и борьбе. Промышленный мир базируется на промышленном правосудии. Правосудие, которое является неуверенным, не является правосудием вообще» [5, p. 193].

Но хартия – это только правила, соблюдение которых должно быть признано всеми. «Справедливо задуманный, общественный порядок в промышленности есть эквивалент справедливой игры в спорте и означает инструкции и методы, взятые, чтобы гарантировать его. Для игр есть правила и инструкции; точные правила, которые разрешаются осуществлять, другие запрещены. Правила и инструкции являются легко устанавливаемыми; они те же самые для всех и известны всем. Есть обычно беспристрастно отобранный судья или рефери, к кому в случаях спора может быть направлено обращение и чье принятое решение является окончательным. Участник, который не в состоянии соблюдать правила игры, штрафуется; и если виновен в грязной практике или не склонен повиноваться решениям, может быть исключен в целом. В пределах пространства, таким образом, обеспечивается свобода игры, справедливая область для всех, а не для тех, кто ее одобряет» [ibid., p. 195].

В то же время М. Кинг считает, что «вопрос дисциплины в промышленности всегда был важный и трудный». Правосудие должно сочетаться с милосердием, штрафы – корректироваться, смещение с должности и увольнение – согласовываться с президентским представителем и представителем управления, «сохраняя баланс между мелкими чиновниками и рабочими для промышленного мира» [ibid., p. 197].

Далее М. Кинг уточняет свою позицию: «Это – весьма общее правило для менеджмента, чтобы проинструктировать служащих,

которые имеют дело с общественностью, чтобы видеть, что каждая жалоба была тщательно изучена, что клиенты «получили удовлетворение» («*given satisfaction*»), и если ошибка допущена компанией, то она должна быть устранена «независимо от стоимости» («*regardless of cost*») [5, p. 198].

Для М. Кинга доброжелательность – также основа промышленных отношений. «Делай для других, как ты хотел бы, чтобы они сделали это для тебя» [ibid., p. 199].

По мнению автора, следует поощрять служащих в «поиске доброжелательности». «Ничто так не порождает горечь чувства, как ощущение того, что вы игнорируемы. Это – то, где индивидуальность сама утверждает даже в самом скромном контексте. Человеческая природа оскорбляется на отказ принять во внимание человеческий вопрос. В отношениях между предпринимателями и рабочими, как во всех других человеческих отношениях, право уважать индивидуальность фундаментально».

Ниже М. Кинг делает пояснение, что он умышленно не использует термин «признание» (*recognition*) как слово, родственное *cognition* (распознаванию, раскрытию, узнаванию), часто используемому профсоюзными деятелями. Этот термин неверен не только потому, что оно имеет оттенок раздражения, но и потому, что не отражает смысловое значение. Термин *индивидуальность* (*personality*) отражает характер необходимого подхода в понимании «человеческих отношений».

Здесь следует сделать, может быть, неожиданное отступление, связанное с нашей современностью. Сегодня западные исследователи мультикультурализма взяли на вооружение теорию Чарльза Тейлора о «политике признания» по отношению к иммигрантам и культурным меньшинствам [6]. Его последователь У. Кимлика уточняет термин «признание» в значении *reconciliation* [как мир, согласие; восстановление дружественных отношений, примирение, улаживание (споров, конфликтов и т. п.); урегулирование (разногласий и т. п.); взаимодействие, согласование] в работе «Политика примирения в мультикультурных обществах» (*The Politics of Reconciliation in Multicultural Societies*), то есть именно то смысловое значение, к которому М. Кинг при-

шел в начале XX века. Тот же термин проявления индивидуальности, которую он так отстаивал в отношениях между предпринимателями и работающими 90 лет тому назад, сегодня признается современными философами как жизненная необходимость в отношении меньшинств. «Если в обществе признается равенство возможностей, то мой успех или неудача в достижении какой-либо цели будут зависеть от моего поведения, а не от моей расовой, классовой или половой принадлежности» [1, с. 145].

Признание индивидуальности фундаментальным правом не было признано современниками М. Кинга, как оно и не признано до сих пор в большинстве стран мира. Несмотря на это он все же видел выход в создании как можно больше индивидуальных контактов (*personal contact*). «Никакой лучший принцип не может быть применен к отношениям, которые должны состояться в промышленности между теми, кто властвует, и теми, кто под ними. Пока индивидуальный контакт между акционерами и служащими или контакт между директорами или даже менеджерами и работниками невозможен в больших компаниях, эффективное сотрудничество может быть восстановлено созданием совместных заседаний и частых конференций» [5, p. 202].

В этой главе М. Кинг вводит понятие благополучной, или благосостоятельной работы (*welfare work*). Эта форма работы становится возможной при условии мирных отношений между предпринимателями и работниками, «использования капитала ко взаимной выгоде», «создания социальных и промышленных планов улучшения», «заинтересованности сообщества промышленными отношениями» [ibid., p. 203].

Как видим, здесь М. Кинг через отношения в промышленности вплотную подошел к теоретическому осмыслению понятия государства всеобщего благосостояния (*welfare state*), термин, который будет введен в мировую практику лишь после окончания Второй мировой войны.

М. Кинг считает достаточными использование четырех методов, которые представляют, по его словам, «оборонительный рубеж против промышленной и международной борьбы». Это – примирение или умиротворение

(*conciliation*), посредничество (*mediation*), исследование (*investigation*) и арбитраж (*arbitration*).

Далее М. Кинг дает характеристику каждому методу. В отношении примирения он подчеркивает, что оно не подразумевает только компромисс. Его суть больше в выяснении каких-либо отличительных признаков, черт (*distinction*), которое привели к конфликту. Примирение М. Кинг всегда считал «одним из лучших методов» и использовал его в своей дальнейшей политической деятельности как внутри страны, так и в отношениях на международной арене. «Исследование» (*investigation*) он называет отцом «примирения». Оно необходимо, «когда ситуация запутана, и стороны затронуты значительно» [5, р. 210]. Исследование не только предполагает вывести из тени основные факторы, которые способствовали конфликту, но и утверждает «использование права, в защите против несправедливости» [ibid., р. 211].

Особо М. Кинг выделяет примирение до разрыва отношений между предпринимателями и работниками. В условиях добровольного исследования имеется возможность избежать гласности и общественного давления для проведения примирения. «Совместное примирение с исследованием во стократ лучше, где исследование осуществлено прежде, а не после того, как чувства и предубеждение разбужены, и прежде, чем стороны стали предметом обсуждения общественности в публично принятых рамках, которые желательно поддержать» [ibid., р. 216–217].

Далее М. Кинг дает характеристику добровольного и принудительного арбитража, а также делает замечание об эффективности использования арбитражной практики в Австралии и Новой Зеландии. Любой арбитраж «обладает преимуществом окончательности» в принимаемом решении, но его эффективность повышается, если законодательно установлена норма *принудительного исследования* (*compulsory investigation*).

В заключение главы М. Кинг делает вывод о том, что «в не меньшей мере чиновник, который стремится смягчить разногласие, и рабочий, который поощряет справедливую игру, компания и профсоюз, которые защищают и осуществляют примирение, исследование и арбитраж

во взаимных отношениях Капитала и Труда, продвигают не только промышленный мир, но также и международный мир» [5, р. 221].

В **восьмой главе** М. Кинг анализирует «Принципы, лежащие в основе работы». По утверждению Кинга, «принципы, которые лежат в основе Работы, – это те правила поведения и методы организации, которые через устранение опасения и учреждения страха порождают ощущение свободы в усилении между человеческими существами, их личными и материальными окружающими средами» [ibid., р. 233].

«Страх и Вера столь же безошибочно влияют на Работу, как они соотносятся с Миром» [ibid.] – этот тезис является главным в определении М. Кинга. Вторым по значению утверждением является то, что «принципы, лежащие в основе Мира, принципы, которые лежат в основе Работы, основаны на познании (*cognition*) индивидуальности» [ibid.]. Третье утверждение касается того, что «правила поведения и методы научной организации» сами по себе не могут установить общие интересы без «духа взаимного рассмотрения и строительства блага» [ibid.].

Далее М. Кинг анализирует страхи или опасения всех сторон промышленности – труда, капитала, менеджмента, возникающие в процессе отношений между ними, их сходства и различия, а также целый «класс опасений, ассоциируемый с чрезвычайными мерами, с революционными движениями и с насилием, как, например, бойскаутами, саботажем, революционным социализмом, революцией, синдикализмом, Первой мировой войной и всеми формами анархии» [ibid., р. 242].

Особые опасения у сторон промышленности вызывают действия сообщества в период ведения войны. В этот период не только усиливаются регулирующие функции правительства, но и возникают непомерные требования по увеличению призыва мужчин, добычи ископаемых, производства продукции, особенно в машиностроении, производства продуктов питания в сельском хозяйстве. Так как наибольшую подвижность из сторон промышленности имеет капитал, то его перемещение связано не только с появляющимися возможностями для инвестирования, но и также с непродуманными и даже вредны-

ми действиями правительства. В качестве примера М. Кинг приводит следующее: «Есть ясные признаки того, что капитал в Соединенных Штатах ушел из железнодорожного инвестирования из-за неуверенной и часто противоречивой природы федерального и государственного регулирования и контроля» [5, p. 249]. Чрезмерное налогообложение бывает причиной, по которой «и капитал, и рабочая сила оставляют эту страну для другой» [ibid., p. 250].

Другой причиной возможных опасений со стороны правительства США во время Первой мировой войны стало проявление бюрократизма и формализма (*officialism*), которые почувствовали на себе как капитал, так и рабочая сила. В то же время, по мнению М. Кинга, в случае монопольного подавления рынков со стороны капитала «сообщество оправдано в движении любых необходимых действий, чтобы обеспечить адекватное восстановление» [ibid., p. 254].

В этой же главе М. Кинг анализирует факторы, влияющие на стоимость производства и эффективность использования капитала. Наряду с внедрением более эффективного машинного производства. Автор считает обязательным проведение промышленного обучения и технического образования (*Industrial Training and Technical Education*) рабочей силы, который он называет одним из *методов промышленного вознаграждения (Methods of Industrial Remuneration)*. Он ссылается на свой собственный опыт работы в министерстве труда Канады по проведению промышленного обучения и технического образования.

Вторым фактором эффективности производства М. Кинг считает фактор оплаты труда рабочих, который должен определяться не временем нахождения рабочего на производстве, а количеством продукта, который он создал. Причем заработная плата должна быть адекватной, а труд в свою очередь не должен быть чрезмерным, уменьшать здоровье человека и возможность дальнейшего использования рабочей силы. Адекватность вознаграждения, по мнению автора, должна исходить «не только из экономических, но и человеческих соображений» [ibid., p. 273].

Ссылаясь на Артура Шедуэлла [6, p. 390], М. Кинг считает, что человеческие со-

ображения должны начинаться с определения минимальной заработной платы (*the minimum time-wage или минимальной часовой оплаты труда*), которая в свою очередь должна определяться прожиточным минимумом (*living wage*) [5, p. 276].

Далее М. Кинг на основе исследования А. Шедуэлла рассматривает возможные формы оплаты труда и системы премирования в целях повышения эффективности производства в промышленности.

В IV параграфе М. Кинг рассматривает принцип *участия в прибылях (Profit-Sharing)* как основополагающий принцип достижения эффективности в промышленности: «Поскольку полученная прибыль может быть разделена, это может быть хорошо, чтобы признать достоинства участия в прибылях как основной принцип совместного усилия в работе...» [ibid., p. 281].

Здесь также следует сделать отступление и сказать, что М. Кинг в своем предположении опередил свое время, высказав принцип, который стал основой теории «народного капитализма» – участия работников предприятия в качестве его акционеров в конце 40-х гг. XX в. и практического ее использования в 50-е гг. во многих странах Запада и в первую очередь в США и Великобритании⁹.

Признанные во времена М. Кинга методы научной организации труда (по Тейлору) и использования автоматических и полуполуприемных машин на производстве с полной или частичной заменой рабочей силы он понимает как методы, «вызывающие различные виды протестов и эксплуатации рабочей силы с нарушением правил (*abuse*)» [ibid., p. 282].

Эти методы сами по себе не учитывают человеческий фактор, поэтому, по мнению М. Кинга, они должны быть усовершенствованы таким образом, чтобы «машина вытаскивала из бедности (*devices relieve*), а не загоняла в нее» [ibid., p. 285].

Причем методы научной организации труда, ускоряющие производственный процесс, М. Кинг называет «невидимыми машинами (*invisible machinery*)» [ibid., p. 287], накладывающими дополнительные усилия, напряжение и истощение со стороны рабочего, и делает вывод, что «если какая-нибудь

практика оказывается вредной для Рабочей силы, рано или поздно она должно оказаться вредной для всех других сторон Промышленности» [5, p. 291].

Возвращаясь в конце главы вновь к принципу участия в прибылях, М. Кинг указывает на то, что данный принцип успешно использовался с 1886 г. в Южной столичной газовой компании (*South Metropolitan Gas Company*) Лондона «сначала среди чиновников и диспетчеров, а спустя три года среди всех работающих» [ibid., p. 298].

Принципы работы трудового совместного товарищества, по мнению М. Кинга, соотносятся с христианским принципом развития демократии и без конфликтного ведения бизнеса при соблюдении всеобщего интереса (*common interest*).

В девятой главе, названной М. Кингом «Принципы, лежащие в основе здоровья», рассматриваются необходимые производственные условия для поддержания здоровья (*working conditions*), которые способствуют сохранению промышленного мира. Именно создание этих условий, констатирует автор, подтолкнуло рабочих организовываться в профессиональные союзы.

Принципы, лежащие в основе здоровья, по мнению М. Кинга, представлены в промышленности и в международных отношениях противоположными интересами, поэтому контроль над их соблюдением должно осуществлять сообщество через свои агентства и принятие необходимых законов. Это в первую очередь должно касаться использования детского и женского труда и мужского труда в опасных условиях.

Пришло время, когда «законодательно должно быть установлена защита жизни, независимо от пола и возраста, чтобы быть признанной как императив» [ibid., p. 311]. К этому классу законов М. Кинг отнес законы о грузовых перевозках (*Truck Acts*), законы об общественном здоровье, проживании и образовании (*Public Health, Housing and Education Acts*), законы о минимальной заработной плате (*Minimum Wage Acts*) в Англии и США. Принятие этих законов, по мнению автора, обусловлено «не столько осуществлением человеческой справедливости, сколько экономической не-

обходимостью и промышленной эффективностью» [5, p. 313].

Поэтому М. Кинг делает вывод, что «признание минимальной заработной платы, так же как признание минимального возраста, максимального напряжения и максимальных часов работы, являются абсолютно существенными для безопасности и здоровья рабочих» [ibid., p. 323].

М. Кинг утверждает, что потери от возможно предотвратимых причин в промышленности сравнимы с потерями во время войны: «Смерть от взрыва в сражении неотличима от смерти при использовании динамита в промышленности. Потеря ноги, руки, глаза является такой же самой, произошла ли она на заводе или при обороне. Туберкулез при добыче гранита неотличим от траншейного» [ibid., p. 323–324].

Проблема «восстанавливаемого населения» (*revitalized citizenry*) является не только проблемой социальной реформы, прерванной войной, но и проблемой реконструкции и «пробуждения социальной совести», в признании природы промышленности как фактора общественного или социального обслуживания» [ibid., p. 332].

Общество должно осуществлять через законы контроль выполнения «гарантий одного дня отдыха в течение семи дней, ограничения чрезмерной работы для людей, дальнейшее ограничение ночной работы, часов работы для женщин и молодых людей, запрещение работы для женщин и детей в определенных отраслях» [ibid., p. 335].

М. Кинг считает, что в соответствии с запрещением, регулированием, осмотром и контролем «условия уровня жизни и стандарты рабочих условий теперь определенно признаны как полностью основа благосостояния сообщества» [ibid., p. 336].

Рассматривая промышленность в природе социального обслуживания, М. Кинг считает, что ее следует рассматривать и как *общественного опекуна (public trustee)*, потому что рабочий – наемный работник в промышленности и одновременно «необходимый член сообщества». Тогда забота о поддержании здоровья должна осуществляться через социальное страхование, как мера социальной справедливости и минимального вме-

шательства сообщества в дела и развитие промышленности.

Страхование по безработице, по сути, страхование «минимальных условий здорового существования... где безделье – ошибка общественного строя, а не заинтересованного человека» [5, p. 348]. «Пенсии по старости – подобны. Они базируются не на теории, что государство обязано продлить человеку жизнь, а скорее на факте, что это условие уверенного положения в старости является легким вопросом для некоторых, тогда как для других оно является самым трудным, если совершенно невозможным» [ibid., p. 347].

Следует заметить, что пенсионная система была введена в США на федеральном уровне в 1935 г. во времена Ф.Д. Рузвельта, тогда как в Канаде пенсионная система была введена правительством М. Кинга в 1927 г., поэтому рассуждения автора о необходимости введения пенсий были новыми для североамериканского читателя.

Помня о том, что человек живет не хлебом единым, М. Кинг в конце главы рассказывает о *движении города-сада (garden city movement*¹⁰), которое зародилось в Великобритании в 1899 году. Это движение способствовало осуществлению принципов, лежащих в основе здоровья, затрагивая вопросы градостроительства и сельского планирования, устранения трупоб, создания мест отдыха и игр, устанавливая дополнительные права сообществу в целях поддержания здоровья, продолжительности жизни его жителей. «Политика, до настоящего времени заинтересованная главным образом торговлей, дипломатией и иностранными отношениями, должна теперь все больше и больше решать социальные проблемы», – заключает автор в конце [ibid., p. 361].

В **десятой главе**, названной «Представительство в промышленности», М. Кинг выдвигает тезис о том, что «если промышленность должна продвинуть материальное и социальное благосостояние, которое является его двойной целью, то должно быть постоянное сотрудничество между всеми сторонами в использовании принципов, лежащих в основе Мира, Работы и Здоровья» [ibid., p. 364].

Первым из таких принципов является «принцип конференции круглого стола» (*principle of Round Table Conference*). «Как только прин-

цип конференции круглого стола с адекватным представлением всех сторон промышленности сделан основанием руководства в промышленности, Опасение уступит Вере; конфликт противоположных интересов исчезнет перед пониманием общих интересов; принципы, которые лежат в основе Мира, Работы и Здоровья, найдут готовность использоваться; и сама промышленность получит дух от сердечного сотрудничества и конструктивную пользу, которая будет означать ее самую высокую эффективность, как инструмент производства и как агентство социального обслуживания» [5, p. 368].

Наиболее важным представительством в промышленности М. Кинг считает представительство сообщества, которое осуществляет не столько контрольные функции за производством, сколько контролирует «обеспечение потребителей продукцией без всевозможных спекуляций». Партнерство сообщества в промышленности часто игнорируется, также как и рабочая сила, несмотря на то что оно обеспечивает производство общественными ресурсами (сырьем, материалами, энергией, рабочей силой и т. д.) и создает рынок для реализации продукции внутри себя. Он считает, что это связано с явлением «промышленного феодализма», сохраняющегося в господствующей политической демократии» [ibid., p. 377].

Непризнание объединенного и равноправного контроля со стороны четырех сторон промышленности, по мнению М. Кинга, привело «в случае Рабочей силы по созданию коллективной организации к форме воинственного унионизма (*militant Unionism*), а в случае Сообщества – к форме агрессивного государственного социализма (*aggressive State Socialism*), которые стремятся проводить коллективный контроль и капитала, и управления Промышленностью» [ibid.].

Изменения старого порядка на новый потребует и новый подход в контроле промышленности. По мнению М. Кинга, он основан «на противоположных намерениях в отношениях друг с другом. Вместо объединенного контроля, выражающего гармонию интересов среди партнеров, это – борьба за преобладание контроля, в который стороны выстраиваются как противоположные

силы в организации заговора и объединяются друг против друга как враждующие нации» [5, р. 380].

М. Кинг далее уточняет, что «вместо братских отношений между сторонами слишком часто есть своего рода замаскированное перемирие между Управлением и Капиталом, с одной стороны, и Рабочей силой и Сообществом – с другой. Они смотрят друг на друга, как выразился один автор, “от края до края бесхозной земли” на область, которая в настоящем находится в конфликте, но которая в их общем интересе и должна быть освоена объединенным подходом... Именно поэтому объединенный контроль, как фундаментальная идея, лежит в основе руководства Промышленностью и означает так много. Она (эта фундаментальная идея. – И. С.) подчеркивает общие интересы и общую цель; она уменьшает антагонизмы и она мешает принуждению; это уменьшает Опасение, и она устанавливает Веру» [ibid., р. 380–382]. Эта цитата полностью выражает подход М. Кинга к объединенному руководству и объединенному контролю в промышленности.

Одиннадцатая глава знакомит читателя с представлениями М. Кинга о «руководстве в промышленности». Вначале он анализирует историческое развитие институтов представительного руководства государством от Уильяма Завоевателя до его дней. Такую же аналогию он желает продемонстрировать и в развитии руководства промышленностью: от «деспотичного руководства через представительное правление к ответственному самоуправлению» [ibid., р. 393]. Он считает, что в промышленности имеются «свидетельства неизбежной тенденции» подобных преобразований.

По мнению М. Кинга, полномасштабное и неизбежное введение *системы ответственного самоуправления в промышленности (system of Responsible Self-Government in Industry)* будет «зависеть от степени того, насколько близко к сердцу будут приняты уроки Истории» [ibid., р. 395]. Причем этот переход возможен как эволюционным и мирным путем, так и в виде «резкого переворота» (*violent revolution*), который предполагает войну в отношениях. А учитывая, что

промышленность «стала мировой проблемой», характер перехода становится международным, а борьба за новые отношения выходит на мировой уровень.

Из дальнейшего анализа М. Кинг делает выводы о том, что:

- Первая мировая война, развязанная «германским деспотизмом, который развил свою силу через комбинацию политической и промышленной власти», представляет собой не только борьбу за мировую политическую, но и, что очень важно, промышленную гегемонию» [5, р. 377].
- «концентрация германского капитала, координация богатства, кредита и банковской системы, поддержка торговли и промышленности, полная финансовая, коммерческая и индустриальная организация стали взаимосвязаны и вплетены в модель *деспотичного контроля* [ibid.] (выделено нами. – И. С.), промышленности и государства, развивая и расширяя милитаризм»;
- «ниспровержение прусского деспотизма» – задача не только политики, но и устранения автократического контроля в промышленности;
- революции, произошедшие в прошлое десятилетие в абсолютистских монархиях России и Китая, – результат разрешения противоречий не только политических отношений, но и противоречий конфликтного промышленного руководства («Социализм, прежде всего, форма промышленного руководства» [ibid., р. 402]);
- неполное устранение противоречий в руководстве мировой промышленностью может вести к возникновению новых мировых войн.

По нашему мнению, последнее замечание М. Кинга наиболее существенно, и оно перекликается с общеизвестным высказыванием Д. М. Кейнса, сделанным годом позже, в 1919 г., в работе «Экономические последствия мира», о том, что экономическое притеснение Германии и наложение на нее огромных контрибуций не устранят промышленные противоречия в Европе и приведут к усилению реваншистских настроений [4].

В этой же главе М. Кинг исследует возможности руководства промышленностью в

условиях различных форм социализма, синдикализма и анархизма и делает вывод о том, что при каждой форме организации контроля создается монополия на руководство, как и в случае капитализма, когда такая монополия у капитала. В любом случае сохраняется конфликт отношений. Поэтому выход только один: создание объединенного контроля через представительство всеми сторонами промышленности.

М. Кинг считает очевидным тот факт, что «регулирование, особенно как признание минимума социального благосостояния, является более принятым порядком сегодня... Функция руководства в промышленности прекратит быть монополизированной любой, или двумя, или тремя из сторон, будет разделена всеми, в постоянно увеличивающейся мере равенства... Статус наемного работника в контроле промышленности постепенно повысится к равенству с инвестором. Голос рабочей силы станет надлежаще важным и авторитетным» [5, p. 420].

Перефразируя принцип наилучшего правительства, высказанный Джоном Пимом¹¹, М. Кинг употребляет его для руководства промышленностью: «Та форма руководства промышленностью является наилучшей, которая действительно приводит в действие и располагает каждую ее часть и каждого члена сообщества к общественной пользе» [ibid., p. 423].

Тем самым он утверждает свой ранее высказанный тезис о том, что «Промышленность является кое-чем большим, чем производственный процесс, что это также форма высшего социального обслуживания» [ibid., p. 428].

В последней двенадцатой главе, названной М. Кингом «Образование и общественное мнение», утверждается, что достижение концепции руководства промышленностью возможно лишь с подготовкой общественного мнения через образование, что «заявление принципов, лежащих в основе Мира, Работы и Здоровья», возможно только через объединенный контроль четырех сторон промышленности.

Для иллюстрации своей позиции М. Кинг приводит два примера решений руководства промышленностью: первый – соб-

ственный опыт создания «представительного совета» в Колорадской топливной и железнорудной компании и второй – создание «Советов Уитли»¹² в Великобритании по инициативе парламента.

В первом случае разрастание трудового конфликта М. Кинг, не снимая ответственности с менеджмента и капитала, возлагает на государство: «Сообщество не сделало никакой попытки для контроля, и эти дела оставило к регулированию компанией, и к регулированию компаний исключительно» [5, p. 437].

Благодаря доброй воле Д.Д. Рокфеллера-мл. трудовой конфликт был не только погашен, но и выработан целый ряд документов для работы представительного совета:

- *Билль прав наемных рабочих (Employees' Bill of Rights)*, «который включал бы принципы и политику взаимоотношений сторон промышленности в делах, имеющих возможные противоречия» [ibid., p. 439];
- *Принцип открытой двери (principle of the Open Door)* «между менеджментом и работающими был подчеркнут как условие для выборов представителей работающих и обеспечения доступа рабочих к представительному управлению и для консультаций между менеджментом и рабочими [ibid., p. 440];
- *Принцип конференции круглого стола (principle of Round Table Conference)*, в котором была прописана демократическая процедура создания нового товарищества через «выборы путем тайного голосования представителей рабочих одного от каждой сотни и пятидесяти от их числа» [ibid., p. 441].

Таким образом, были приняты основы Промышленной конституции (*Industrial Constitution*)¹³, которые стали использоваться другими предприятиями американских штатов. Промышленный план представительства в Колорадской топливной и железнорудной компании, как и подобные планы в других американских промышленных и торговых предприятиях, основывались на трудовом контракте, который заключался с рабочими, и поэтому все они имели различное толкование в деталях, в то время как «Советы Уитли» работали на основании при-

нятого парламентом закона, и их действия были более унифицированными и одинаковыми. Так, особенностью Колорадского плана было проведение ежегодного совместного заседания всех представителей и чиновников компании в соответствии с Промышленной конституцией, что являлось, по мнению М. Кинга, «Индустриальным Парламентом в эмбрионе» [5, p. 446]. Другой важной особенностью, которую отмечает М. Кинг, стало то, что Колорадский план «открыл путь для развития промышленного самоуправления среди рабочих, многие из которых постигли принципы свободы впервые» [ibid., p. 448].

Положение не пытается определить функции каждого из созданных учреждений, но указывает, что «будет требовать отдельного результата в соответствии с переменными условиями различных отраслей» [ibid.]. Из рекомендаций определены «регулярность встреч и непрерывность кооперации».

Таким образом, делает вывод М. Кинг, руководство промышленностью может осуществляться «двумя способами: *Силой*, или *Согласием*; принуждением по просьбе государства или в соответствии с добровольным соглашением между сторонами промышленности» [ibid., p. 464].

М. Кинг не согласен с теми критиками, которые указывали, что Колорадский план не предусматривает участие профсоюзов как стороны промышленности. Этим критикам он ответил, что в плане записано: «Не должно быть дискриминации из-за членства или не членства в трудовых или других организациях» [ibid., p. 469], то есть трактовка Колорадского плана значительно шире «Советов Уитли». С другой стороны, замечает М. Кинг, созданные в Великобритании промышленные советы, как Постоянные консультативные комитеты (*Standing Consultative Committees*), помимо всего, «решают проблему государственного вмешательства, которое становится неизбежным, заменяя ее реальной мерой самоуправления в промышленности» [ibid., p. 473].

Проводимые преобразования в промышленности будут тем успешнее, если они будут поняты всеми членами сообщества, являющимися потребителями товаров и услуг. Ссыла-

ясь на лорда Холдейна¹⁴ и цитируя его, М. Кинг утверждает, что «образование всегда было фундаментом всей промышленной реконструкции, всех социальных реформ и всей демократии» [5, p. 481]. Кроме того, он также считает, что «с ростом демократии есть потребность в образовании, чтобы учить правильному использованию власти» [ibid., p. 482]. Не забастовки и локауты, а способность исследования несправедливости в промышленности – лучший шанс для восстановления отношений между всеми сторонами промышленности. «Нанесение удара ослабляет экономическое положение рабочего, лишая его заработной платы и сокращая ему ежедневное ближе к минимуму пропитание. Исследование позволяет ему выдержать его экономическое положение и в то же самое время обеспечивать справедливость в действиях, которые не наносят никаких ран третьим лицам» [ibid., p. 491].

Далее М. Кинг рассказывает историю создания в 1907 г. Закона об исследовании трудовых споров (*Industrial Disputes Investigation Act*) и анализирует значение его принятия в Канаде по «созданию системы разрешения трудовых конфликтов в промышленности, основанной на принципах общественного порядка» [ibid., p. 495].

В целом, считает М. Кинг, «принятие принципа предшествующего расследования к локауту или забастовке отмечает начало введения общественного порядка в промышленности; начало объединенного контроля», а также «осуществление под давлением сообщества Национального Минимума или любого другого Трудового стандарта» [ibid., p. 517].

Заканчивая «новое прочтение» исследования М. Кинга о промышленных отношениях начала XX в., следует сказать, что его работа не была замечена современниками. Несмотря на новизну и силу идей, высказанных им в книге, тяжелый стиль изложения и значительные моралистские отступления не способствовали ее успеху. Следует все же признать новаторской мыслью о необходимом и достаточном вмешательстве государства в производственные отношения, а точнее, в социальные отношения на производстве.

Этот вывод М. Кинг делает из моральных основ собственной философии: «Власть добра и зла ... заключена не в вещах, а в лю-

дах. Нет ничего неотъемлемо выгодного или губительного в любом факторе, силе или форме организации... Все зависит от того, используется эта власть или нет, согласуется ли она с правильными идеями относительно социального прогресса» [5, p. 9]. Христианин М. Кинг заключает, что в человеке всегда есть место и добру, и злу: «Именно эта двойная вместилище отличает человека от зверя, и от Бога... Кажется, нет никакой власти или вместилища для хорошего без небольшого количества соответствующей власти или вместилища для зла, и наоборот» [ibid., p. 10]. Поэтому автор делает вывод о необходимости постоянного управления и эффективного контроля над человеческими отношениями.

Из моральной же философии М. Кинг выводит закон о неприменимости эволюционной теории Дарвина к человеческому обществу, которое, в отличие от животных и растений, имеет возможность сотрудничества. По М. Кингу Закон выживания самого жизнеспособного (*Law of the Survival of the Fittest*) в обществе заменяется более высоким Законом христианского служения (*Law of Christian Service*) [ibid., p. 125].

Это христианское служение осуществляется сообществом. М. Кинг настаивал именно на термине сообщество (*community*), а не народ или нация (*public*). Этот термин «подчеркивает область, в пределах которой люди разделяют общий интерес в отношении рассмотрения предмета» [ibid., p. 134].

«Ни социализм, ни уж тем более анархия не могут осуществить режим консенсуса и баланса в промышленных отношениях, так как они существуют на конфискации частной собственности и создания распределительной системы между трудом и бюрократией» [ibid., p. 408].

М. Кинг допускал возможность социализма, но не в ближайшем будущем: «Если люди принимают христианство достаточно серьезно, то социализм может работать, но это «пока еще является к несчастью далеким от того, чтобы быть главным стимулом в промышленности» [ibid.]. И об этом он неоднократно заявлял в своем дневнике (see: [8], July 11, 1899; July 12, 1899; Jan. 23, 1900; Jan. 27, 1900).

К синдикализму М. Кинг также относился критически, так как он считал, что синдикализм разъединял четыре фактора производства по цеховому признаку и фактически отделял каждый фактор друг от друга: «Синдикализм обращен к невежеству и предубеждению масс» [5, p. 407].

М. Кинг был до конца жизни убежден, что он вывел политэкономический закон, гласящий, что «промышленный продукт представляется результатом совместной деятельности четырех человеческих факторов: капиталистов, которые представляют свое богатство для целей производства; менеджеров, которые организуют капитал и рабочую силу; труда, который под руководством менеджеров создает и управляет машинами или сам создает продукты; и, наконец, сообщества, которое поддерживает целый аппарат производства» [ibid., p. 138].

Между тем книга сыграла не последнюю роль в политической судьбе ее автора. Во-первых, он сумел распространить ее среди делегатов Либеральной конвенции 1919 г. и она стала одним из факторов выбора М. Кинга лидером Либеральной партии с четвертого голосования. Во-вторых, являясь редактором по подготовке либеральной платформы, он внес в ее текст основные положения своего исследования по социальному реформированию в Канаде. В-третьих, теоретические выводы исследования были реализованы М. Кингом в политической практике либерального правительства в предвоенное время, что позволило канадскому либерализму устойчиво развиваться в условиях строительства собственной государственности. В-четвертых, подход М. Кинга к решению проблем в промышленности, в целом в сообществе и международных отношениях путем переговоров, а не войн позволил ему сохранить свое политическое долголетие и создать Канаде на долгие годы вперед имидж посредника в международных делах.

Обращение автора статьи к новому прочтению книги М. Кинга «Промышленность и человечность...» связано не только с недостаточной оценкой этой работы его современниками, но и тем, что данная работа по-прежнему актуальна в наши дни. Не случайно известные современные канадские философы Чарльз Тейлор и Уилл Кимлика продолжают разрабатывать

его идеи, высказанные им в этой работе. Да и не только они. Практически во всех современных исследованиях, далеких от решения промышленных отношений: в политологии, экономике, регионоведении, международных отношениях, региональной и международной безопасности и т. д., проблема «человеческого фактора» является центральной, и от подходов по ее решению во многом зависит как настоящее, так и будущее человечества.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Настоящая статья является частью поисковых НИР по ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 годы.

² Объяснение именно такому переводу книги М. Кинга дано в тексте статьи.

³ Здесь и далее по тексту выражение «промышленные отношения», по терминологии М. Кинга, объединяют производственные и социальные отношения между четырьмя сторонами, участвующими в процессе создания материальных благ: капитал, труд, менеджмент и сообщество.

⁴ С 1900 по 1910 г. М. Кинг выполнял роль примирителя трудовых отношений между рабочими и предпринимателями, находясь на посту редактора газеты министерства труда, а затем в качестве заместителя министра и министра труда правительства У. Лорье.

⁵ В этом заключении М. Кинг опередил известного канадского философа Дж. П. Гранта ровно на пятьдесят лет.

⁶ Закон Грешама в общем гласит: «Плохие деньги лучше изымать», но более точно он звучит так: «Плохие деньги лучше изымать, если их обменный курс установлен законом». See: Rolnick A. J., Weber W. E. Gresham's Law or Gresham's Fallacy // *Journal of Political Economy*. 1986. 94 (1). P. 185–199.

⁷ Хотя поначалу *laissez-faire* означало отмену государственных субсидий и юридических барьеров для торговли.

⁸ Под «сторонами промышленности» М. Кинг имеет в виду Капитал, Труд, Менеджмент и Сообщество.

⁹ Родоначальниками «Народного капитализма» принято считать американского экономиста М. Надлера, итальянского экономиста М. Сальвадори, западногерманского экономиста и государственного деятеля Л. Эрхарда.

¹⁰ Идея города-сада принадлежит сэру Эбенизеру Говарду (Ebenezer Howard, 1850–1928), оуб-

ликовавшему книгу-утопию «Города – сады завтра» в 1898 году.

¹¹ Джон Пим (1584 – 8 декабря 1643) – английский парламентарий, лидер Долгого парламента.

¹² Джон Генри Уитли (John Henry Whitley, 1866–1935) предложил систему регулярных официальных консультативных совещаний между работниками и работодателями, известную как «Советы Уитли». Они имели возможность рассмотрения любых вопросов, связанных с заработной платой и условиями работы, и использовались в этом качестве до арбитражной практики.

¹³ Сама Конституция была напечатана на семи языках для сотрудииков трехсот национальностей, работавших в компании.

¹⁴ Ричард Бердон Сандерсон Холдейн, 1-й виконт (1856–1928), был влиятельным британским либералом, а затем лейбористским политиком, юристом и философом. Он был военным министром между 1905 и 1912 гг., период который назвали «Холдейнскими реформами», во время которых реализовал реформы по подготовке к Первой мировой войне.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кимлика, У. Либеральное равенство / У. Кимлика // Современный либерализм / пер с англ. Л. Б. Макеевой. – М. : ДИК : Прогресс-Традиция, 1998. – С. 138–190.

2. Hutchison, B. *The Incredible Canadian* / B. Hutchison. – Toronto : Longmans, 1953. – 454 p.

3. Keynes, J. M. *The Economic Consequences of the Peace* / J. M. Keynes. – N. Y. : Harcourt Brace, 1920. – Electronic text data. – Mode of access: <http://www.econlib.org/library/YPDBooks/Keynes/kynsCP.html>. – Title from screen.

4. Keynes, J. M. *The General Theory of Employment, Interest and Money* London / J. M. Keynes. – Cambridge : Harcourt : Brace and Company, 1936. – 403 p.

5. King, W. L. M. *Industry and Humanity. A Study in the Principles Underlying Industrial Reconstruction. (The Social history of Canada)* / W. L. M. King. – Toronto : University of Toronto Press, 1973. – 566 p.

6. Shadwell, A. *Industrial Efficiency General Books* / A. Shadwell. – L. : Longmans, Green & Co, 1906. – 316 p.

7. Taylor, Ch. *Multiculturalism and the politics of recognition : an essay* / Ch. Taylor. – New Jersey : Princeton University Press, 1994. – 175 p.

8. *The Diaries of William Lyon Mackenzie King*. – Electronic text data. – Mode of access: <http://www.collectioncanada.ca/education/king/index-e.html>. – Title from screen.

**W.L.M. KING'S "INDUSTRY AND HUMANITY.
A STUDY IN THE PRINCIPLES UNDERLYING INDUSTRIAL
RECONSTRUCTION" – A RENEWED READING**

I.A. Sokov

W.L.M. King's book "Industry and Humanity" is the author's research result of industrial relations in Canada and the USA during the first 15 years of the 20th century. This book has not been published in the Russian language. The author of the article briefly analyses M. King's basic ideas and concepts and gives explanations of M. King's vision on the way of liberalism development under the conditions of post-war industrial reconstruction.

Key words: *W.L.M. King, industry, humanity, community, labour, capital.*